

ИРИНА УЗЛЯКОВА

ТЕПЛО

Сборник стихотворений

*Посвящается моим родителям.
Вы удивительные.
С вами непросто, но интересно.
И я вас люблю.*

Самара
2024

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
У 34

Узлякова И.В.

У 34 Тепло. — Самара: Самарская областная писательская организация, 2024. — 104 с.

ISBN 978-5-9938-0079-0

«Тепло» — второй поэтический сборник Ирины Узляковой.

Тело человека излучает тепло. Это научный факт. Такое тепло называется инфракрасным излучением. Оно согревает. Оно жизненно необходимо. Тепло — это движение частиц...

Тепло человеческой души зафиксировать с помощью физических приборов пока невозможно. Но можно его ощутить. Стихи Ирины Узляковой излучают тепло. Это просто чувствуешь. И внутри становится тепло, и мир кажется теплее, и за окном теплеет, и теплеют взгляды окружающих людей. Это важно: излучать и получать тепло. Читайте эту книгу, насыщайтесь теплом.

ISBN 978-5-9938-0079-0

© Узлякова И.В, 2024

© Самарская областная
писательская организация, 2024

Тепло, ещё теплее...

Свою первую книгу стихов «Мой личный космос» Ирина Узлякова издала в 2023 году. Второй поэтический сборник она назвала вроде бы просто: «Тепло». А просто ли? Почему-то вспомнилась детская игра, в которой прячут некий предмет. А тот, кто должен его отыскать, идёт по кругу. И слышит голоса играющих: «Холодно. Тепло. Ещё теплее...» И так, пока тот самый предмет не будет найден.

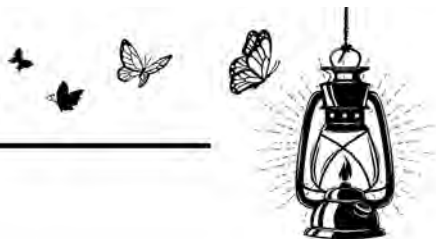
Что же читатель найдёт в новом сборнике Ирины Узляковой? Да, её стихотворения — на вечные, привычные темы: о смысле жизни, семье, природе, любви и так далее. Уж, казалось бы, сколько об этом писано-переписано! Но в чём состоят смысл, предназначение поэзии? Чтобы сказать вроде бы о том же самом, но свежо, по-своему, как до тебя никто не говорил. И Ирине Узляковой, на мой взгляд, это хорошо удаётся. Не стану цитировать здесь её строки. Нужно просто читать эту книгу. И тогда, смею надеяться, у любителей поэзии тоже потеплеет на душе.

Олег Портнягин,
член Союза писателей России

Тепло

Дотронуться до усиков жука,
Погладить спинку мраморной улитки,
Коснуться лепестков у маргаритки
И ощутить, как нежная тоска,
Калачиком свернувшись, ожила,
Скребётся в сердце, чутком и ранимом, —
Выходит, и душе необходимо
Прикосновенье хрупкого тепла.

Родителям

Родители мои, храни вас Боже!
Частицу сердца я дарю вам.
Увы, мы постигаем много позже,
Что жизни суть — не «дайте», а «отдам».

Спасибо, что в моём уютном мире
Вы сеяли, эпохе вопреки,
Моих духовных дум ориентиры
И правильности доброй маяки.

Как жаль, теперь не модно быть хорошим.
А мне другого было не дано.
Возможно, потому я тонкокожа,
Что мною подытожено давно

Моё предназначение земное:
Любить родных, друзей, свои края.
И что бы в жизни ни стряслось со мною,
За мной всегда стоит моя семья.

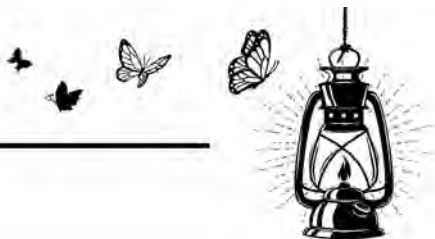
ИРИНА УЗЛЯКОВА

Я

Моей семье и друзьям...

Мне комфортно быть старомодной.
Верить на слово, слушать Баха,
Жить без гнева, мечтать свободно,
Вечерами бродить без страха
По уютным дорожкам парка.
И, присев на резную скамейку,
С упоением читать Ремарка;
На листочках в косую линейку
Эти вирши писать авторучкой...
А ещё я дружить умею:
Без причин не бываю злючкой,
Ни предать, ни солгать не посмею...
И влюбляюсь я без оглядки,
Как до нас сотни лет влюблялись:
Чем душа жива — всем без остатка
Поделюсь, не расплескаясь...

Детство

Когда искрится первый снег,
Я снова погружаюсь в детство.
И детство дарит мне в наследство
Из тесной взрослости побег

В мир бесконечной доброты,
Где дружба не пустое слово,
Где отношениям основа —
Союз мечты и высоты;

Где любишь всех и веришь всем,
Где риск предательства ничтожен;
Где факт чудес весьма возможен
И невозможна смерть совсем;

Где мы щедры и в этом суть;
Где мы прекрасны изначально;
Где влюблены мы в жизнь отчаянно.
И кажется нам лёгким Путь.

Когда искрится первый снег,
Я снова погружаюсь в детство,
В эпоху ту, что по соседству, —
В уютный мой двадцатый век.

Где синеоки небеса,
Неподражаем запах розы,
И где у Дедушки Мороза
Такие папины глаза.

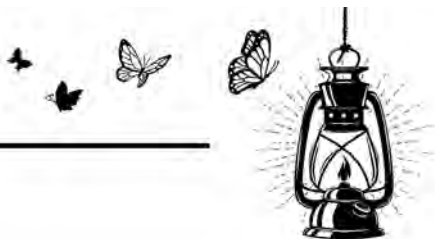
Доченька

В ночь на Ивана Купалу
Ты появилась на свет.
Благоухали травы,
Нежно алел рассвет.
Боги над Эрми́тажем
Из глубины бытия
Благословили тебя,
Светлая девочка Маша.

Мудрости и вдохновенья,
Доченька! С днём рожденья!

ТЕПЛО

В Крещенский Сочельник

Как морозно и тихо сегодня,
Как приветливо брезжит звезда...
Скоро праздник — Крещение Господне —
День, когда оживает вода.
Мне в Крещенский Сочельник не спится...
Небо с морем сейчас — визави...
Волшебство, словно дивная птица,
Над заснеженным миром кружится;
Воды тронет — и в них растворится
Миллионом ионов любви...

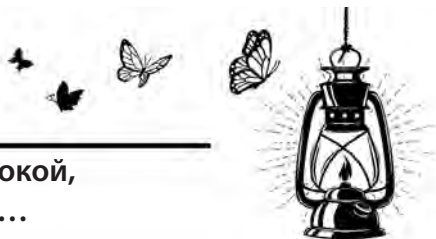

Рождество Христово

Уж выплыл месяц, жёлт и нем,
Уж свечи в окнах жгли.
Спокойной ночи, Вифлеем...
А странники брели
От дома к дому, но никто
Им не давал ночлег...
Оливы зябли над плато...
Кончался Ветхий Век...
И только захудалый хлев
Семье приютом стал,
Что спрятался среди дерев.
Там и родился юный лев:
Сын Бога...
И Христа
Мария нежно обняла,
Со лба стирая пот,
Заботливо произнесла:
«Господь, храни его от зла», —
Всё зная наперёд.
И, словно дивный оберег,
Цвела звезда в ночи,
А в яслях Богочеловек
Смотрел на блеск свечи,
И уши ослика рукой
Несмело трогал он.

ТЕПЛО

А вол, что воплощал покой,
Жевал шершавый лён...

...Как много силы и любви
В забавном малыше.
И вся отзывчивость Земли
Жила в его душе.
Уж солнца рыжий апельсин
Светился между крон.
И улыбнулся Божий сын,
Свой первый видя сон.

Сын и Мать...

*На вершине горы невысокой, покатой,
Там, где крест в землю будто бы врос,
Где стояли торжественным строем солдаты,
Ты рыдала, но не было слёз...*

И. Рабштейн

**На лбу Голгофы, в день и час треклятый,
Где смерть творила свой кровавый пир,
Он — преданный, обоганный, распятый —
Раскинул руки, обнимая мир.**

**Смешались пот, песок и кровь на коже.
Солдат к губам поднёс на губке яд.
А Он сквозь боль шептал: «Великий Боже,
Прости. Они не знают, что творят».**

**И стихли стоны. И толпа молчала,
Финалом поражённая до дна,
Не ведая: конец и есть начало.
Но это — после. А сейчас, бледна,**

**Мария опустила от бессилья
На раскалённый каменный песок.
В отчаянье упали руки-крылья...
И за мгновенье стал седым висок...**

ТЕПЛО

Она твердила кротко: «Авве Отче,
На всё благословение твоё...»
И не было длинней грядущей ночи
Для сердца материнского её.

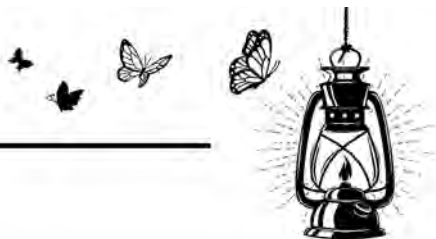

Детский дневник

«...А в утреннем лесу такая благодать,
Как в первый миг от сотворенья мира.
Вдыхаю запах пряного эфира*:
Так пахнет лето...» Старая тетрадь
Хранит в себе рисунки трав и птиц,
Ребячьи вирши о сердечной тайне.
И высохшая роза меж страниц —
Застывшее в годах воспоминанье.
Какое волшебство — прочесть свой путь,
Отлистывая вспять десятилетия,
Когда казалось чудом разноцветье,
Когда так чётка этой жизни суть.
Когда уютен маленький мирок,
Когда твой друг — не враг... И еженочно
Во сне летала ты. И знала точно,
Зачем тебя такой придумал Бог.

* Эфир — в древнегреческой мифологии — особо тонкий, прозрачный и лучезарный слой воздуха, которым дышат мифологические создания.

Глобальное потепление

Мою планету замечает снег,
И хлопья бьются крылышками в окна.
Как хладнокровен двадцать первый век:
Ещё чуть-чуть — и я совсем продрогну.
На континентах царствует февраль,
Морозно так, что ахнул бы и Цельсий.
Глобальная бездушность (в виде версий) —
Причина этому. Отнюдь не календарь...

Я так хочу подснежников. Они
Полезны и целительны для сердца.
И пусть ручьи звенят весенним скерцо,
И рвутся прочь из ледяной брони.
Пусть небо отразится в глади луж,
Пусть оживают бабочки в ладошке,
Пусть плавятся сосульки на окошке
С глобальным потепленьем наших душ.

ИРИНА УЗЛЯКОВА

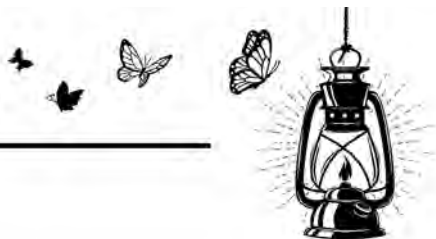
* * *

Она мечтала стать великой балериной,
И сердце грезило о сцене и гастролях.
Она любила крем-брюле и чай с малиной...
Она погибла ночью в «Крокус Сити Холле»...

Он был красивым, добрым, радостным мальчишкой.
Его душа жила теплом, не зная боли.
Он так любил Её, родителей и книжки...
Его не стало ночью в «Крокус Сити Холле»...

Для нас сегодня этот мир перевернулся.
Для них он стал последним кадром горькой доли.
И белый ангел в небе тихо ужаснулся,
Кружа над чёрной бездной в «Крокус Сити Холле»...

Их жизни оборвались, толком не начавшись.
Их души взмыли в дальний космос поневоле.
Они исчезли, крепко-накрепко обнявшись...
Они сгорели в клятом «Крокус Сити Холле»...

Рассвет

Над многоэтажными домами
Отцветают розы облаков.
Тополя могучими руками
С силой древнегреческих богов
Соскребают с неба позолоту —
И закат тускнеет в стылой мгле...
Но на кромке неба добрый кто-то
Чертит солнце нового восхода,
Жизнь оберегая на Земле.

Тёплые ветра подуют в мае,
Слива заалеет в сентябре,
Август мёдом бронзовым растает,
Станет пряным к золотой поре.
Разливаясь жидким перламутром,
Дождь осенний спляшет на стекле,
Ибо во Вселенной кто-то мудрый
Дарит нам очередное утро,
Жизнь благословляя на Земле.

ИРИНА УЗЛЯКОВА

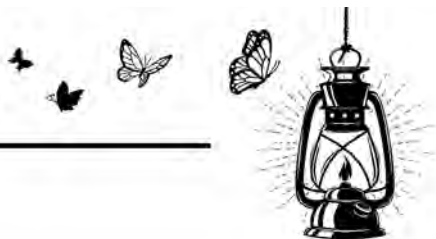
* * *

...А изнанка войны неприглядна, невзрачна:
То озноб, то жара; кровь, усталость да боль.
Только мы победим в пику доводам мрачным.
Враг воюет за зло, а наш брат — за любовь.

Только мы победим, вопреки ста преградам,
Потому что есть Правь*, сердца ориентир,
Потому что есть Бог, потому что так надо.
Враг воюет за ад, мы воюем за мир.

Мы отмолим солдат у погибели душной,
Мы отпляшем на тризне, отпевая фашизм.
И опять победим свято и простодушно,
Ибо враг верит в смерть, ибо мы верим в жизнь.

* Правь — философское понятие в славянской культуре о законах мироздания, основанных на добре, правде и справедливости.

Теория относительности

Всё так фундаментально на Земле,
Но скоротечно, трепетно и зыбко...
Спиральная галактика улитки
Безжизненно застыла в янтаре...

В сиюминутной нежности твоей —
Прощальность уходящего заката.
И я запомню навсегда стаккато
Нас робко обнимающих дождей,

И эти фонари, и этот дом,
И этих влажных улиц серебристость,
Болезненность, высоту, ноябристость
Души, что поселилась в доме том.

И нет Грааля крепче и прочней,
Чем хрупкая твоя душа земная,
Хранящая влюблённость кодом рая,
Уютно поместившегося в ней.

И на прощанье дольку янтара
Ты подарил мне с грустной улыбкой.
Храню её и размышляю я,
Что маленькая спящая улитка
В ней — вечность и мгновенность бытия.

* * *

Я не из монахинь.
Я не из невест.
Белая рубаха
Да нательный крест.

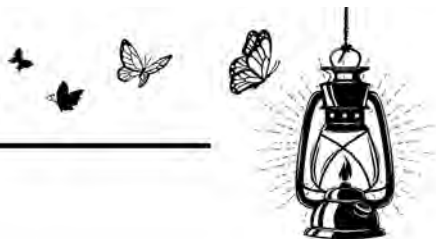
Вроде и венчалась,
А пою одна.
Вроде и прощалась,
А душа полна.

Ветры золотые
Кудри звонко вьют.
И — почти святые —
Очи песни льют.

Святые, да не чистые,
Всё ж не без греха:
Знать, душа не близко,
Знать, судьба лиха.

Мыслям не прикажешь,
Снам не диктовать.
Грех — такая кража —
Сердце воровать.

Словно я на плахе:
Радость так пуста...
Нет моей рубахи,
Не найти креста...

Лёгкая форма отчаяния

Я просто не ждала, что ты другой:
Безжалостный, заносчивый и дерзкий,
С замашкою, невольно флибустьерской:
Слова — шрапнелью, вдребезги — покой.

Испуг парализует разум мой.
Обида режет сердце. Пульс — за двести.
А гордость вдруг становится немой.
Фантазия рисует планы мести.
И я себе не нравлюсь вот такой.

О, странная зависимость от лжи,
Которая нас держит и терзает!
Как ловко ослепляют миражи,
Как душу без остатка выпивают,
Когда над правдой кривда ворожит.

И что в итоге этой кутерьмы?
Бесстрастная в груди опустошённость...
Безликая, пустая отрешённость...
Холодное предчувствие зимы...

Кукла

Я — кукла настоящая.
Верёвочки блестящие —
Блестящая опора
И бесконечный плен.
Меня хранит от боли,
Меня хранит от воли,
Меня хранит от жизни
Короста прочных стен.

Красивая придумка —
Не ящик и не сумка —
Изящная шкатулка,
Мой мир всегда ночной,
Просторный, как гробница
Обожествлённой птицы,
Созданье рукотворное
Для куколки ручной.

Серебряные ниточки,
Вы струны чьей-то скрипочки.
Скрипач судьбы изменчивой
То щедр, а то суров.
Мы, куклы разных ящиков,
Наглядные образчики
Таинственной теории
О множестве миров.

ТЕПЛО

Красивая придумка —
Не ящик и не сумка —
Изящная шкатулка,
Мой мир всегда ночной,
Просторный, как гробница
Обожествлённой птицы,
Созданье рукотворное
Для куколки ручной.

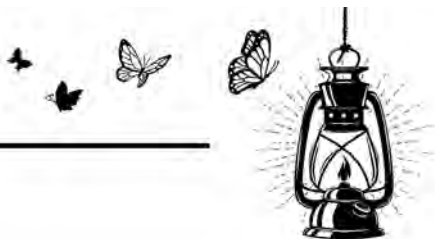
Ночная прогулка

Навис над миром космос мглой.
И месяца клинок арабский
Кромсает звёзды чередой...
Сутулясь рабски,

Туман пронзая, мы идём
Вдоль тёмных улиц, мимо сквера.
Нам одиночество вдвоём —
И блажь, и мера.

Застыть на миг и убежать,
Рвануть струну, и — сквозь аллею!
Да только без тебя дышать
Я не умею.

Слаб и невнятен человек.
Менять что-либо слишком поздно...
Казалось нам, что падал снег.
А это — звёзды.

Тишь

Ночь угрюмая чёрной пумой
Опустилась на город мой —
В тишину, колыбель раздумий,
Охраняющую покой.

Сядь напротив и тронь ладонью,
И губами коснись виска,
Чтоб наполнить теплом бессонье,
Чтобы светлой была тоска.

Под старинную песню вьюги,
В жёлтом свете немой свечи,
Мы всё чувствуем друг о друге,
Мы о многом с тобой молчим.

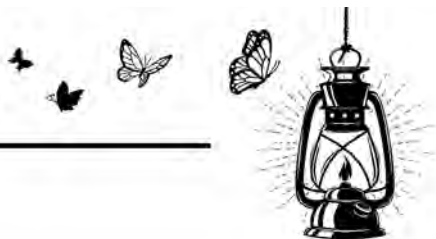
Чтоб услышались наши души,
Иногда не нужны слова.
Лишь бы искренность грела в стужу.
Лишь бы нежность была жива.

Ненависть

Убирайся из моих снов!
Выметайся из моих грёз!
Сколько брошено в сердцах слов.
Сколько пролито за жизнь слёз.
Синим волком пробежит ночь.
Как её переживу я?
Уходи же от меня прочь,
Это утро не теряй зря.

Я смогу преодолеть боль,
Я сумею пережить ад.
Только горькая моя роль
По душе тебе, ты ей рад.
Отрекись же от меня, тать,
Между душами порви нить,
Чтобы вольным соловьём стать,
Взмыть над миром и опять жить.

Моя вчерашняя влюблённость...

Я исплачу тебя, отстрадаю,
Я тобой отболею весной.
Видно, маяться принято в мае,
Видно, май этой блажи виной.

Затоскую, умру и воскресну,
Страсть обидой сумев заглушить:
Может быть, этой маленькой мезтью
Станет злое желание жить.

Отголоском беды обречённость,
Словно смерч, отбушует вдали...
Только память про эту влюблённость
Не отдам за всё злато Земли.

Когда не забыть

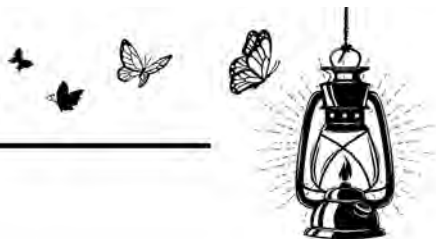
Я вдруг возненавидела январь,
В котором Мы обидно стали прошлым.
И обратилась в каменный янтарь
Свеча души, потухшей безнадёжно.

Я так устала от тоски былой,
От дум, что ты — исток моих несчастий,
Быть то хорошей девочкой, то злой,
В зависимости от твоих пристрастий.

Мне больно вспоминать, как нежный ты
Губами собирал со щёк снежинки,
Под курткой пряча для меня цветы.
И чёрный кофе под звучанье Стинга

Хранит в себе пьянящий аромат
Привязанности нежной и бесстрашной.
И ненависть слабеет во сто крат!..
Но завтра нет. Есть только день вчерашний,

Где всем, что близко мне, ты пренебрег...
А с неба, из разверзнувшейся выси,
Струится снег, безмолвный белый снег,
Как рваные клочки влюблённых писем.

Холод

Смел и нейтрален. Держится ровно.
Фразы его то остры, то злорадны.
Он из семейства холоднокровных:
Мягкость и тёплость ему непонятны.

Выросший Кай с заколдованным сердцем
(Что это — поза иль просто дань моде?),
Замка безмолвия маленький герцог,
Что упивается личной свободой.

Только при нём я робею и никну...
«Можно, мой жёсткий, я вас поцелую?
Этим, возможно, я вас расколдую...
...Или от холода тихо погибну».

Мой герой

Порассуждаем с тобою в стихах?
Плесни-ка мне кофе в любимую чашку.
Я же в твоей безразмерной рубашке
Кошачьи свернусь у тебя на руках.
Я твоя Тринити* в леггинсах драных,
В маленьких уггах и глупых серёжках.
Ты мой герой, мой кумир, мой Серёжка,
Только домашний и неэкранный.
Хочешь, мы взмоем в гиперпространство,
Сквозь гравитацию, через системы?
Хочешь, в лесу разведём хризантемы —
Так, ради шутки, из хулиганства?
С дерева снимем орущую кошку,
Макулатуры притащим тонн триста,
Предотвратим на Донбассе бомбёжки.
Всё на сегодня. Hasta la vista.
Хочешь, пойдём под дождем целоваться —
Так, без зонта и плащей, что нам стоит?..
Просто сегодня мы — супергерои,
Супергероям полезно влюбляться.

* Тринити — персонаж фильма «Матрица».

Незаконченная пьеса

Тысячи лиц, карусель силуэтов.
Кружится мир во вселенной огней.
Странный сценарий, начало сюжета:
Мы отодвинули город теней,
Взглядом, улыбкой коснувшись друг друга.
Кружевом — окна и звёзды в ночи.
Жаркой волною восторга-испуга
Вмиг захлебнуться, взорваться! Молчи...

Утренний город, стеклянный и вязкий.
С лязгом ключей опрокинулась тишь.
Завтра — пощёчиной — светская маска.
Преданный мною, опутанный лаской,
Счастье — в неведение. Счастлив, ты спишь.

Плач

Как сверкнёт ввечеру серпик месяца,
Мне глаза твои, яхонты, грезятся.
И молюсь я тебе, распроклятому,
Душегубкой-любовью распятая:

«И хулу, и хвалу,
И дурную молву
За твою за красу —
Всё снесу, всё снесу».

Хочешь — батюшки клады несметные,
Что скрывают леса заповедные,
Не тая, укажу, мой желанный,
За один поцелуй долгожданный.

И тюрьму, и суму,
И житьё без дому
За твою за красу —
Всё снесу, всё снесу.

Чую, любимый, беда приключилась:
Не твоя ли зазноба явилась?
Брось разлучницу, бабу двуличную,
Пожалей ты меня, горемычную.

ТЕПЛО

Я с судьбой не в ладу.
И себе на беду
За твою за красу —
Всё снесу, всё снесу.

Не глядится тебе в мою сторону,
И в душе моей — чёрные вороны
Что проклятья пророчат мне шёпотом.
Знать, дорога мне — в чёрные омуты.

У судьбы на краю,
Ни в аду, ни в раю
За твою за красу —
Всё снесу, всё снесу.

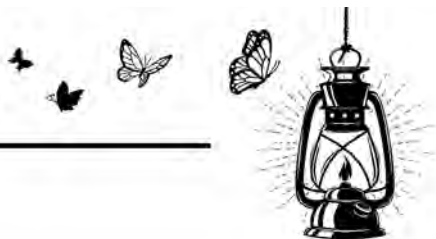

О любви

Душа в наши дни — поле битвы.
Пусть разум твердит: «Отступи», —
Но сердце вещает: «Люби:
Любовь — это та же молитва».

По духу мы все — иноверцы,
Друг другу мы чужды порой...
Любовь же есть тайный пароль
К закрытому наглухо сердцу.

Её не узреть, не измерить,
Она нам — и Бог, и маяк...
Унынье — родник, что иссяк.
Злорадство есть пир на костях.
Любовь — это смысл бытия...
В неё только нужно поверить.

Особое молчание

Серёжка, я люблю с тобой молчать —
И радостно, и на разрыв аорты...
Не потому, что нечего сказать,
А оттого, что слово всё испортит.

Ростками душ, раскрывшихся едва,
В той глубине взаимного молчанья
Живут, незримо оку, как дыханье,
Все ведомые чувства и слова.

Твои морщинки на челе — печать
Несправедливых всех моих роптаний...
Но делает мудрее созерцанье
И золотое правило молчать.

О, сколько горьких фраз ты промолчал,
О скольких шрамах тишь твоя вещала.
Не слово стало сущему началом,
А тишина — начало всех начал.

ИРИНА УЗЛЯКОВА

*** * ***

Фонари, фонари... Золотое спасенье
От ненужных побед и несбывшихся грёз.
Да кому вы нужны с вашим бежевым тленьем,
Кроме зеркала луж и сентябрьских звёзд?..

А ещё вы нужны пилигримам и кошкам.
И задёрнутым шторам мирка моего.
Фонари, фонари, нежной ночи окошки!
Я жива. Я люблю. Но не знаю — кого.

Песня

Разрумянились росы
В травах поутру,
Разбросала в небе косы
Птица на ветру.

Дочь зари — лесная птаха
С голубым хвостом —
Разузорит мне рубаху
Шёлковым крестом.

В час тоски раскроют своды
Сини купола.
И скажу я через годы,
Как тебя ждала.

Может быть, за ясны очи
Ты был сердцу мил.
Может быть, за тёмны ночи
Ты меня любил.

* * *

Былое так ярко, былое так кротко,
Так зелено.
Цветочное море небесной лебёдкой
Не меряно.

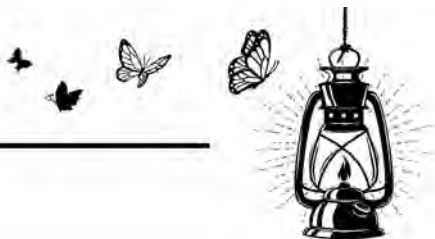
Сегодня мечта с горделивой осанкой
Прощается.
И мир, как ни странно, в холодные рамки
Вмещается.

Не знаю, права ли, но, верно, всё дело
В случайности.
Поэтому я и люблю, как сумела,
До крайности.

Поэтому ты никогда не звонишь,
Чтоб не мучиться.
Не знаешь, простишь меня иль не
простишь.
Как получится.

ТЕПЛО

Поздняя любовь

А ты со мной свершился, как цунами,
Как лунное затмение, как потоп.
Да, это электричество меж нами,
И бабочки на сердце, и озноб,

И множество других святых предчувствий
Пришедшей с опозданием любви
В души моей седое захоlustье,
Израненное ветром до крови.

Ну, что ж, пойдём считать смешные звёзды,
Зализывать ранения души.
Поверь, влюблённость не бывает поздней.
Давай её друг другу разрешим?

Его зелёные глаза

Дерзость и мягкость в его изумрудах.
Знаю: стою у беды на краю...
Фраза «люблю» поцелуем Иуды
Обезоружила душу мою.

В мыслях его дремлет магия спрута:
Гибкость суждений, атак остриё.
Точным расчётом циничного плута
Он препарировал сердце моё.

Перевернув мою жизнь в одночасье,
Смело он вторгся в мой быт и мой стих...
Так начиналось нелёгкое счастье
Взлётов моих и падений моих...

Кай

«Мой ветренный Кай, как много сегодня снега...
Прошу, не молчи... Ты сегодня какой-то иной...
Мы столько мечтали об этом ненужном побеге...
И ты уезжаешь. Но только, увы, не со мной...
Мой ветренный Кай, ты не бойся, упрёков не будет.
Что было — то сплыло, иссякло, сгорело дотла.
Пусть будут с тобой на чужбине приветливы люди.
Пусть ангел протянет тебе два лебяжьих крыла...» —

Так гордая Герда сердечно прощалась с Каем,
Застрав под Тобольском в морозном,
печальном краю...

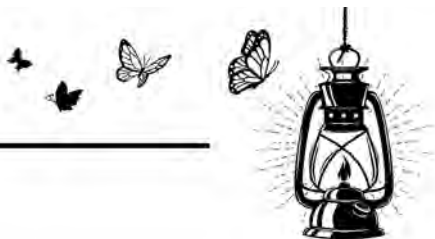
Кай выложит льдинками, чуточку умирая,
Слова одиночества «вечность» и «не люблю».

Ты и он

С ним я плачу, а с тобой — смеюсь,
Ты причал мой. А его — боюсь.
Свет и тьма. Распахнутость и боль.
Разность душ. И разная любовь.

Рост — с тобою, страх паденья — с ним.
Он мой демон, над тобою — нимб.
Ты меня не отпускай к нему.
Здесь — мой путь, а там — ни сердцу, ни уму.

Вечернее

Худые ветви тополей,
Окутанные сонной дымкой,
Застыли монохромным снимком,
Нефрита чёрного черней.

Растерян облетевший сад
В бесплодном ожиданье снега...
Вороны в поисках ночлега
Вросли в оранжевый закат...

Смеркается. И в тишине,
Средь бездны темноты кромешной
Ничтожной, робкою надеждой
Зажглась свеча в твоём окне.

Простое, доброе клише —
Свеча во тьме... Но я-то знаю,
Что этот огонёк мерцает
О ветреной моей душе.

Выходные в Дивееве

Борей, седая бестия, не зря
Гудит в ночи пунктиром телефонным,
Над парком, как знамение, паря,
Густой листвы оклад иконный
Срывает с будней ноября.

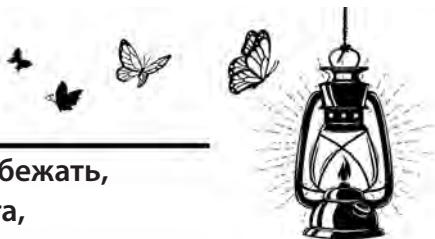
Снег-однодневка, зимней прозы горсть,
В осеннем таинстве — коротеньким антрактом.
А я уже простужена насквозь,
Удерживая форте в сотне тактов
Высоких нот судьбы, где холод — поздний гость.

Сюжетную возвышенную суть
Кромсаю до утра на штампы брендов.
И не даёт мне вечером уснуть
Шагов бессонья гулкое крещендо,
И стуком в дверь: «Тебе себя не обмануть.

Душа — журавль высокого полёта,
А ты застряла в пёрышках синицы».
И мчит меня от грусти и работы,
Переднеприводная колесница —

ТЕПЛО

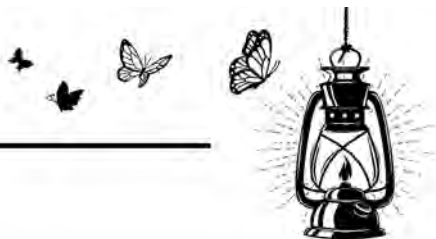
Сквозь Болдино в Дивеево бежать,
Вернуться в состояние поэта,
Под взором у святых черкать сонеты,
Душой фотографировать рассветы
И пить покой, и осенью дышать,

И так до понедельника. А там —
Обратно, в параллельный мир реалий,
Где мы так окаянно проживали
Чужую роль, навязанную нам.

Тишина

Я вслушиваюсь в тишину,
В её немую беспощадность,
Непостижимость, безотрадность.
В немыслимую глубину.
В ней нет тебя! Есть лишь покой,
Бесплотный, бесконечный, звонкий...
И тишь смеётся надо мной,
А я краснею, как девчонка.
Жизнь на события дробя,
Влюблённая в тебя до боли,
Я форматирую себя,
Лишённая остатков воли.
Одна. Одна. Совсем одна.
И память о тебе — в наследство...
Лишь тишь гуляет по соседству.
Лишь ветер стонет у окна.

Алое

Я иду к тебе
Сквозь ветра и вёрсты,
Вопреки беде,
Вдоль галактик звёздных.

Сто дорог пройдя,
Сто ущелий гулких,
Я найду тебя
В пастях переулков,

Где блуждала я
В лисьи алом платье
В сердце сентября,
У тоски в объятьях.

Чтоб не стал твой дом
Для души могилой,
Алым маяком
Я тебе светила.

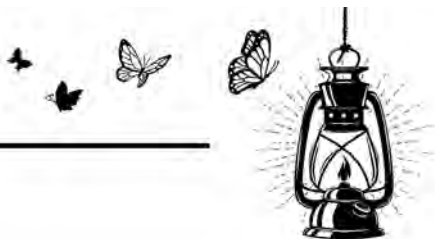
Самообман

«Я люблю», — слетела с уст
Всё брошенная фраза.
И, невидимая глазу,
В сердце отгорела грусть.

Эта маленькая ложь
Так невинна, так безвредна,
Ибо в правде безответной
Благодати не найдёшь.

Притворись и обмани.
Я поверю, я воскресну.
Как прекрасна, как уместна
Ложь, спасению сродни.

И на этом рубеже
Столько праздничных иллюзий...
Вновь — дыхание в ритме блюза.
Вновь — Вселенная в душе.

Сердцу не прикажешь

В твоих очах — и тишь, и свет,
Как от полуночной лампы.
Тебе я рада и не рада.
Но сердцу не прикажешь, нет.

Я не просила о цепях
Твоей привязанности нежной.
И сеять робкую надежду
Я не хотела второпях.

Заложник жаркой маеты —
Растрянный, необъяснимый,
Такой до боли уязвимый
В слепой зависимости — ты,

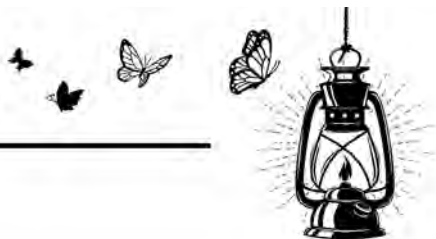
Готовый клясться на крови,
К красавцам и стихам ревнуя,
Благословляешь поцелуем
На схиму душной нелюбви...

Без тебя...

Этот день без тебя — ночь.
Этот сон без тебя — смерть.
Ускользает покой прочь.
И бежит из-под ног твердь.

Душит душу мою плач,
И пылает внутри жар...
Но несутся ветра вскачь.
Но плывёт в небесах шар...

Тебе

Тел закат кристаллами берилла.
Цапли танцевали над рекой...
Нам друг друга осень подарила,
А взамен похитила покой.

Дивна мне твоя чудаковатость,
Мой некоронованный король.
Ты — моя нечаянная радость,
Ты — моя нечаянная боль.

Вечер с пряным запахом глинтвейна,
Форэскиз* простым карандашом,
Чтение вслух произведений Гейне...
Как же мне с тобою хорошо!

Шар луны галактики целует,
С неба звёзды падают, звеня...
Без тебя мой мир не существует.
Без тебя не существую я.

* Форэскиз — жанр в графике или дизайне.

Августовость

Догорают звёзды и лампы.

В росах отражается заря.

Август — месяц грусти и прохлады,

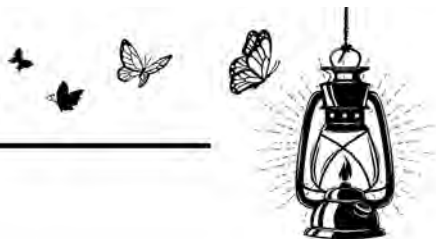
Бережный предвестник сентября.

Чувствуя болезненную нежность,

Шепчутся кузнечики в тиши.

Августовость, сдержанность, неспешность —

Это состояния души.

Сезон

Август медный, август мятный,
С яблоками запечённый,
С нежной грустью обручённый,
Нефальшивый, необъятный.

Он — сезон переоценки
Важных слов и жертв ненужных,
Дарит он великодушно
Снам осенние оттенки.

Но рождается в пространстве
Душ людских хмельное скерцо:
Это летний ветер странствий
Радостно тревожит сердце.

Только не купить билета
Нам у мага-билетёра
И не прыгнуть в поезд скорый
Ускользящего лета.

Август

Сегодня август, август, слышишь?..
Засеребрился бахромой
Над головой, под самой крышей
Мой нежный тополь, тополь мой.

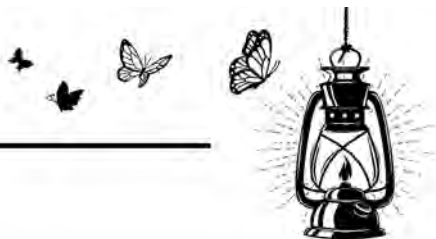
Дубы полны медовым светом,
Они просторны и просты,
И перечитывает лето
Свои последние листы.

Непостоянство, всплески, бури.
И снова — на круги своя.
Мне вновь так сладко накануне
Очередного сентября.

Пусть отразит, что было прежде,
Прошелестит, что будет вновь
Голубоглазая надежда,
Моя осенняя любовь.

ТЕПЛО

Осенняя миниатюра

Сентябрь полон волшебства
Великих трансформаций цвета,
Полёта в золото из лета
Сквозь умирание. Листва
Ещё горит янтарным светом,
Тая конечность естества.
И в дивном угасанье этом
Она права и не права.

Осень

На моей планете снова осень...
Зябнут липы, ёжась у парадной.
Ветер хаотичен и нервозен,
Дни одождены и листопадны.

А душа готовится к зимовью,
Экстренно зализывает раны,
Наполняя тусклый дом любовью,
Намечая фабулу романа.

Город утопает в ярко-рыжем,
Улицы от листьев пламенеют.
Я в твоих объятиях немею,
Становясь ранимее и ближе.

Ну и что ж, что мир претенциозен?
Пусть планеты наши уязвимы!
Бережной влюблённостью хранимы,
Мы с тобою сдюжим эту осень...

Прощальная листопадная песня

Лежит сухими кистями
Сухой душистый тмин.
Потрескивает листьями
Обиженный камин.

И канделябры властные
Уходят в потолок.
Вступает в пламя красное
Очередной листок.

На жизнь лихую сетует
Больной, остывший парк.
Своею жизнью жертвует
Листва, как Жанна д'Арк.

И дворник в сером свитере
Был избран сатаной
Для роли инквизитора,
Для миссии одной.

Как жаль, что не святая я,
Как жаль, что недосуг
Мне вырвать листья карие
Из хищных, мокрых рук.

Здравствуй, лес!

Здравствуй, здравствуй, мой лес,
запорошенный, светлый,
Мой языческий храм, заколдованный мир,
Ты — приют сосняка, серебристого ветра,
Синеокой луны — ясной, словно сапфир.

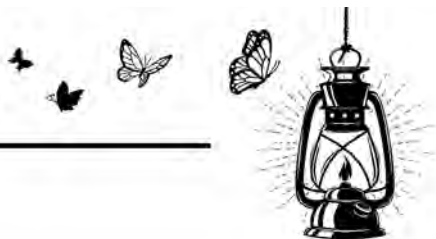
Здесь я выстрою дом, посажу абрикосы,
Скатерть в мелкий горох постелю на столе
И нарву для друзей летом нежные розы...
Вот и всё, что мне нужно на бренной земле.

Станут бабочки вечером биться в оконце.
Грянет пир под покровом веранды большой,
Соберутся знакомые и незнакомцы.
И немножко своим станет каждый чужой.

Эти стены впитают все байки и песни,
Что промолвят уста и сыграет клавир...
Здравствуй, здравствуй, мой лес,
заповедный, чудесный,
Мой языческий храм, заколдованный мир.

ТЕПЛО

*** * ***

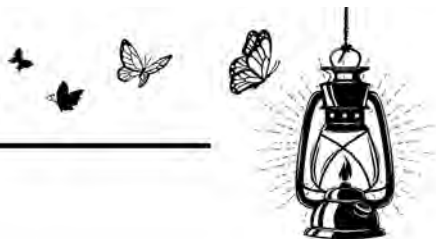
**В лесу блистают золотом высоты,
Он дольный храм.
В квартирах запечатывают соты
Оконных рам.
В немой тоске последнего полёта
Парят листы.
И вслед им смотрит добро нежный кто-то.
Конечно, ты.**

Сентябрьское

Отцветает сентябрь георгинами,
Рассыпается звонкими росами;
Отжелтев кружевными берёзами,
Изливается ливнями длинными.

Отшумевший шершавыми клёнами,
Он упал листопадом меланжевым...
Обними меня, месяц оранжевый,
Отогрей золотыми ладонями.

Как-то так

Подарки сентября: вино и мёд,
Лучей осенних поцелуи в щёку,
Густой листвы оранжевый полёт
И бледно-жёлтый свет звезды далёкой.
Прогулки в лес — как в златоглавый храм,
Рябиновая веточка в петлице,
Пушистый, тёплый свитер по утрам
И пенье первой северной синицы.
И кофе с молоком, и плед, и друг,
С которым мне тепло и безопасно,
И дружески светло, и сообразно,
Вещая всуе, убивать досуг.
И не бояться с ним попасть впросак,
И не страшиться сесть в чужие сани,
И чутко балансировать на грани
Меж дружбой и любовью. Как-то так.

Ранимость

А небо в сентябре — синей и ближе,
И медленней вращается Земля...
Какая восхитительная рыжесть
Ложится на дубравы и поля.

Лукавая, смешная, несвятая,
Ступает осень, ноги промочив.
Серебряные тучи зарыдают,
В березняке синичка замолчит.

Я в эту осень больно ошибалась
И душу горько ушибала в кровь.
Такою уж ненастной мне досталась
Воистину осенняя любовь:

Ранимость, ссоры, ужин со свечами,
Стихи, тепло написанные Вам,
Беседы по мобильному ночами...
И одинокий кофе по утрам.

Лист

Литавры грома отзвучали,
И мультифлоры отцвели.
Я, выплавав свои печали,
Излечиваюсь от любви.

Древесный лист — и чист, и тонок.
И, выкупанный под дождём,
Он как заплаканный ребёнок:
Стихия в нём, и кротость в нём.

Я сохраню его на память
В любимой книге меж страниц...
Когда меня не сможет ранить
Твой гнев, не знающий границ.

Когда сотрутся лик и фразы,
Характер твой и образ твой,
Я этот лист достану сразу
И улыбнусь себе самой.

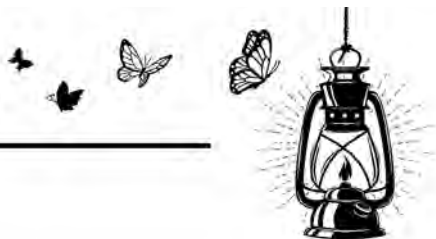
Дачное лирическое

В объятых дивной дачной лени
Я зрю сквозь бахрому ресниц
В сто пятьдесят оттенков зелень
И дюжину садовых птиц.

Моя заросшая усадьба —
Широкий жест шальной судьбы:
Шумят столетние дубы,
В пруду — хор лягушачьей свадьбы.

Здесь иволги прозрачны трели,
Здесь упоительно звенят
Сверчковые виолончели.
Здесь ивы с космами наяд
В речное зеркало глядят.
На их ветвях, как на качелях,
Стрекозки-«морячки» парят
И дразнят озорных форелей.

И, отражения дробя,
Скользит волна. И мир немеет
От красоты... Дар бытия
Делю с тобой, а без тебя
Всё это смысла не имеет.

Ночь на Ивана Купалу

Последний закатный лучик
Мерцает светло и ёмко
В серебряном окоёме
Пунцово-зефирных тучек.

Червонною оторочкой —
Заход без конца и края.
Лей ливни, купальская ночь,
Журчи, дождевая бочка,
Небесные слёзы глотая...
Моя повзрослевшая дочка —
Офелия в белой сорочке,
В душистом цветочном веночке
Мечтает, о принце вздыхая.

О, время, ты — форма расплаты
За юность, за право жить смело...
И где-то за дальним пределом
Отчаянной девочкой в белом
Я так же мечтала когда-то.

Размолвки казались разлукой,
Артерии жгли запястья,
И были крылами руки,
И жарче — душевные муки,
И ярче алело счастье.

Дачное ироническое

Вновь счастье дачного покоя
В кругу растений, певчих птиц,
Старинных бытовых вещиц,
Друзей, двоюродных сестриц.
Вот пруд, вот пчёлки над водою,
Вот цапли кружат надо мною,
Вот — всплеском — фейерверк зарниц.

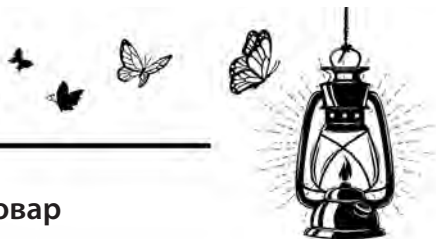
А на дворе — экватор лета,
И синь небес так глубока,
И перистые облака —
Как рваные хвосты кометы.

И вот среди этой красоты,
На фоне русской пасторали,
Что называется, «не ждали» —
Калитку отворяешь ты:
В глазах — восторг, в руках — цветы.

Пусть я экспромтов не терплю,
Но ты сегодня так беспечен,
Так расточительно сердечен,
Что я тебя почти люблю.

ТЕПЛО

И добрый старый самовар
Возглавит стол. И будет вечер.
И я запомню эту встречу
Как летний драгоценный дар

С его сверчковой тишиной,
Тревожным запахом лилеи
И тихой ревностью твоею,
И плачем чаек над волной.

В кинотеатре

В фиолетовых чернилах
Захлебнулся сонный лес...
Поздно для тебя, мой милый:
В сердце не осталось мест.

Синеватый свет экрана
Выплеснулся в зал большой.
Ты сегодня, как ни странно,
Для меня такой... чужой.

Яркий свет. Хлопушки кресел.
Ты мне что-то говорил.
Как всегда, красив и весел.
И до приторности мил...

Безучастно и безвольно,
Нерешительность кляня,
Не решаюсь сделать больно.
И сказать: забудь меня.

Октябрь — это...

Октябрь — это светлая грусть
В эстетике осени синей,
И белый изысканный груздь
В плетёной изящной корзине.

Октябрь позолочен листвою
И солнцем, целующим щёки.
Он встал между мной и тобой,
Уставший и чуть одинокий.

И таинство ливней, и тишь,
И повод постичь и осмыслить.
Октябрь — примирение лишь.
И листья. И листья. И листья.

Чтоб ими неспешно шуршать,
Чтоб вытолкнуть грусть межреберьем,
Заполнить пространство весельем
И снова тобой задышать.

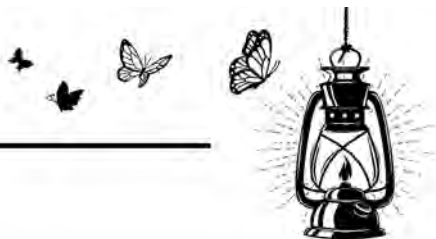
Корабли

Золотые корабли
В голубых, холодных лужах.
Как-то жалобней и глуше
Светят ночью фонари.

Утонувший в желтизне,
Загрустил усталый город.
Осень, приподнявши ворот,
Бродит тихо, как во сне.

Ах, сентябрьские сны
С их волшебно-тёмной мощью.
Снова пробую на ощупь
Тёплый бархат новизны.

И дымит листва в костре,
Сладкий дух распространяя.
Знаешь, маются не в мае,
Любят даже в сентябре.

Розы

В осенних розах — редкая отвага:
Цвети на рубеже небытия.
Вот так от зыбкой бездны в полушаге
Раскрыла лепестки душа моя.

В осенних розах — ветхая надежда
На оттепель в начале декабря...
И пусть не буду больше прежней я,
Но ты, мой дальний, оставайся прежним.

Меня, увидев все, позабуди:
Уж всё сложилось, не переиначить
Судьбы привычной, не перечеркнуть.
Пусть женщина далече не заплачет,
Пусть ближнему меня не упрекнуть.

Когда в беллетристическом салоне
Я этот стих прочту в который раз,
Ты сделай вид, что это не о нас,
Ты сделай вид, что ничего не понял...

Снова

Со снегом куда-то уходит вся злота.
Наверное, в счастье ошиблись мы оба.
И только теперь, вопреки октябрю,
Я вдруг понимаю, как сильно люблю.

Былые стихи — неудачные роли
С придуманной мною ненужной неволей.
Простить — это просто, сложнее — понять,
Простить и понять. И, пожалуй, обнять.

Уткнуться щекою в ключицу, как прежде.
Наверное, это надёжней надежды.
Поэты не любят — поэты сгорают!
А стих... Он бессмертен. Он не умирает.

Он может быть порван, потерян, отвергнут,
Но звёзды ночные в ненастье не меркнут.
Стихи — это музыка лунного света
С усмешкой любви и несчастья поэта.

За нежные строчки, за трусость побега
Я падаю в волны осеннего снега,
Чтоб снова сгорать в алом танце ночи,
Укрывшись дыханьем из снежной парчи.

Осенний романс

В закатной акварели
Шиповник в старом парке
И виноград вдоль арки
Ноябрьски заалели.

Мой ангел ненаглядный
С глазами цвета мокко,
Ты в осени далёкой
Потерян безвозвратно.

Зачёркнутый дождями,
Старательно забытый,
Ты словно сон размытый.
Потухшими очами,

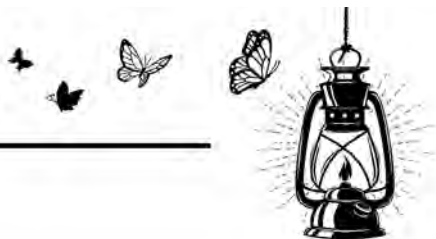
Исполненными боли,
Глядел ноябрь-затворник
В тот наш прощальный вторник,
Где, словно капли крови,
Сквозь ночь алел шиповник.

* * *

Снег в ноябре... Как тихо в мире стало...
Как нежен пух, укутавший кусты,
И парапет ажурный вдоль канала,
И купола соборов, и мосты,
И маленький кораблик у причала...
Как хрупки и пронзительно просты
Проспектов снежных чистые листы.
Такие дни легко прожить сначала.

Осенний снег... Конечно, он растает,
Пройдя пространство от небес к земле,
Его впитает почва в ноябре,
А к марту он живой водою станет.
И значит, не бесследно, не напрасно
Роняет в бездну слёзы ранний снег...
Он кружится — мгновенный и прекрасный,
Оставшись в сердце. Не на миг — навек.

Декабрь

Предновогодие. Зима.
Седые сталактиты льда
На запорошенных домах.
Да в небе белая звезда,

Рождённая за сто парсек...
Как славно из тугой горсти
Жевать шершавый, острый снег,
Шагать меж елей и грустить,

Свернуть в знакомые леса,
Оттенка лунной бирюзы.
Какие мудрые глаза
У апельсиновой лисы!

И золотой единорог
Из рук возьмёт цветной зефир...
Дубрав заснеженный чертог.
Зима. Предновогодний мир.

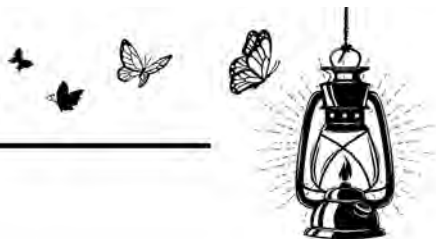
Одна просьба...

Кружат хлопья белым пухом птичьим,
На проспекте снежится ветла...
В ледяном пожаре безразличья
Я сгораю от любви дотла.

Сколько сбылось дружеских пророчеств
О несносном норове твоём...
Да, из всех возможных одиночеств
Самое жестокое — вдвоём.

Это сердце — солнечный огарок,
Хрупкий, беззащитный цикламен —
Хочешь, я отдам тебе в подарок,
Ничего не требуя взамен?

Нежностью моей, строкой, вселенной
Обращаюсь к лучшему в тебе:
Не пренебрегай душой смиренной...
Можно мне побыть в твоей судьбе?

Нелюбимая зима

Немартовски грает пурга
С усмешкой зимы уходящей —
Стервозной, мятежной, пропащей,
Наславшей на город снега.

Сутулятся зябко дома,
Блуждают в метелях трамваи.
А люди сердито вздыхают:
Когда же ты сгинешь, зима?

И реет, раскинув крыла,
Средь улиц зима одиноко.
Она оттого и жестока,
Что ей не хватает тепла...

Вдохновение

В моём краю, где звонкий холод
Рисует золотом на льдине,
Ты подарил мне белый город
На белом берегу пустыни.

Там щиколотки утопают
В хрустальном гравии столицы,
Там горизонт пересекают
Не райские, но тоже птицы.

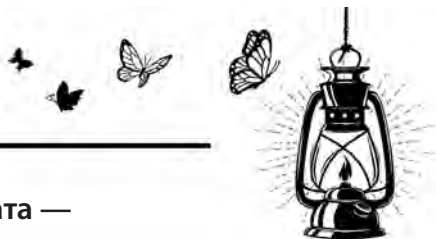
Светлы и чисты лица улиц,
Я заночую в вашем сердце —
Привет!

Наверх!
Туда где стройных башен крыши!
И голову задрать, чтоб — горлу — больно,
Как безмятежно и как вольно:
Там стаи ангелов, ты слышишь?

Ты слышишь — тот, кто по природе
Сереброкрылый и пернатый.
Я, окрылённая когда-то,
Сложила крылья в несвободе...

ТЕПЛО

Янтарны сумерки заката —
И гаснет белая обитель.
Спокойной ночи, мой крылатый,
Души моей телохранитель.

И знает город, холод знает,
Мы оба знаем, знаем точно:
Однажды — снежно, многоточно —
Под утро город мой растает.

Февральская оттепель

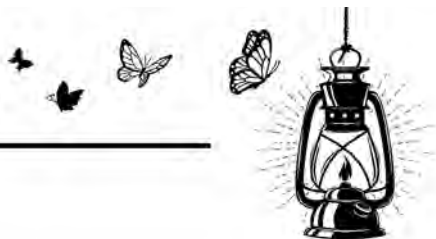
Февраль, матёрый, неизбежный,
Нездешний, вышедший извне,
Сегодня — оттепельно нежный.
И в запредельной тишине

Неповторимо пахнет снегом...
Расправив звёздное крыло,
Из бездны космоса Омега
Мерцает гордо и светло.

И смотрит одухотворённо
В ночную высь февраль седой,
Смешной, растроганный, влюблённый,
Очеловеченный, живой.

ТЕПЛО

Чудо

...Вчера был плюс. И лужи, лужи, лужи.
Нельзя ступить, не промолив ботинок.
Но вьюга серпантиново закружит
Под вечер вертолётки снежинок.
И сбросит лес осенние лохмотья,
И в белые одежды облачится.
И пробудится дух предновогодья,
И чудо обязательно случится...

Старый сад

Мой старый сад — приют тиши,
Тенистая моя читальня,
Цветочная исповедальня
Насквозь натруженной души...

Сейчас зима. Свой вдовий гнев
Она наслала на природу,
И, руки тонкие воздев,
Деревья рвутся на свободу

Из нескончаемого сна,
Из одиночества и стужи...
Да отразится в первых лужах
До слёз красивая весна!

И пусть мой старый добрый сад
От морока зимы очнётся.
Да будет май, да будет солнце!
И яблонь цвет, и плач цикад!

Каланхоэ

...Не по-взрослому верила в сказку,
И была не по-детски грустна...
И болезненной стала развязка.
И зачем-то случилась весна.

И булгаковски ждало покоя
Обожжённое сердце Мари...
Только кто-то принёс каланхоэ
Цвета рдеющей, юной зари.

И бутоны ей грели ладошки,
Словно это — ручная весна,
Ведь кому-то Мари — свет в окошке,
Ведь обоим теперь не до сна.
И так хочется вместе в киношку,
И бесстрастность пресна и тесна...

Космическая весна

...А космос — он живой, он — думает, он — дышит
И мониторит нас зрачком седой луны.
И звёздами в ночи он украшает крыши
И дарит пятьдесят оттенков тишины.

А мартовский озон богат эльфийской пылью —
И хочется парить, и вирши сочинять.
И если допустить, что руки — это крылья,
То мыслимо душой Вселенную обнять,

И в очи заглянуть созвездиям хрустальным,
И загадать мечты комете голубой.
И разрешить себе быть чуть сентиментальной.
И в новую весну — как в омут с головой...

Давай

Давай мы найдёмся в начале весны
И проживём лет так двести.
Давай мы придумаем добрые сны,
А ночью посмотрим их вместе.

Давай не поссоримся из-за невзгод:
Не станем, как полные stupid*,
Швыряться шрапнелью ехидных острот
В знак кто кого перенелюбит.

Давай мы спасём перед завтраком мир,
А после закатим в кафешке
По этому поводу маленький пир,
О нас рассуждая без спешки.

Давай мы напишем гротескный роман,
Сколотим скворечники птицам.
Давай мы уверуем в самообман:
Что вечно влюблённость продлится.

* stupid — безумец (англ.).

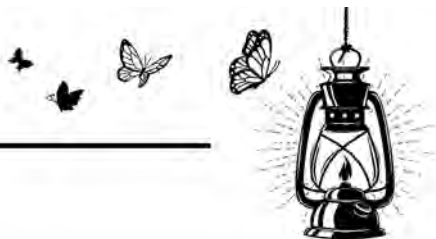
Апрельский снег

Запах — свежий, запах — медный,
Мир — недвижимый и немой.
Снег апрельский, снег последний
Засыпает город мой.

На большой тахте в передней
Мы с тобою переждём
Снег апрельский, снег последний
Перед завтрашним дождём.

ТЕПЛО

Снегодождь

Снегодождь идёт с утра...
Плачет кошка у двора.
Близ распахнутых ворот
Гладит лапкой кошку кот.
Умер милый старый дом
С недокрашенным окном.
Не разбудит эту дверь
Даже синяя капель.
Так прозрачны и просты
Прошлогодние листья
С их коричневой душой —
Прошлогодней и большой.
Там, где кошка у ворот,
Улыбаясь в полный рот,
Тихо плачет человек...
Снеголивень. Дождеснег.

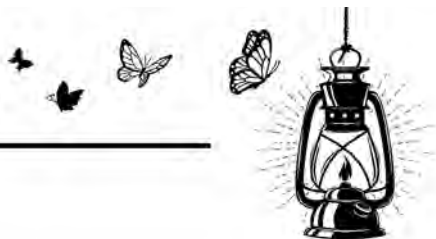
Страсть

Здравствуй! Начнём в самом деле
Заново, с этого дня...
Тёплые губы апреля
Сладко целуют меня.

Стерпишь, смолчишь и укором
Не оцарапаешь в кровь.
Только блеснёт в остром взоре
Алая страсть, не любовь.

И хорошо, и уместно:
Большого мне не снести.
Трижды прекрасная бездна,
Бейся, терзай и расти!..

Снова простишь, не осудишь.
Только мне славно-легко
Знать, как ты нежно не любишь:
Слепо, всегда, далеко.

Весеннее

Как будто напоила допьяна
Моя совсем весенняя влюблённость.
Мне сладостна её неглубина
И радует её неразделённость.

Она так безболезненно остра,
А сердце так восторженно сгорает.
И даже пламя жёлтого костра
Огонь твоих зрачков напоминает.

Мне так мила наивность этих строк —
Забавных, молодых и бесполезных,
Когда я, словно маленький листок,
Лечу на дно твоей души, как в бездну.

И всей моей влюблённостью смешной
На счастье тебя благословляю,
И майскую любовь с собой одной,
С самой собой отныне разделяю.

Психи

Я заблудилась во лжи и утратах,
Выплавав море слёз,
И мизантропы в белых халатах
Буркнут: «У вас невроз».

Мне бы тебя утопить в слёзном море,
Грохнуть в дворах городских,
Мой бесшабашный хикикомори*,
Трижды отпетый псих.

Знаешь, я б лично тебя придушила,
Боли не в силах простить...
В общем-то я для себя не решила:
Поцеловать иль убить?

Может, достанем путёвки в психушку,
Закажем доставку роз,
В местной столовке утащим ватрушки,
В марте повесим на ёлку игрушки?..
Только душа моя не безделушка,
Чтобы забыть все щелчки и ловушки.
Жаль, что невроз не склероз.

* Хикикомори (японский) — отшельник.

Светлячки

Ночи — бездны голубые:
И темны, и глубоки.
Светят звёздочки земные,
Золотые светляки.

Словно горы в синей дымке,
Тают в небе облака.
На травинке — по росинке.
Это — сердце светляка.

Задремал июль за речкой.
В небе — лунный башмачок.
Осветил янтарной свечкой
Нам дорогу светлячок.

И на свет букашек нежных
Мы брели, как дурачки.
Видно, функцию надежды
Выполняют светлячки.

Лекарство для луны

Серебрится кружком-кругляшком
Над каналами домик луны.
Я по лунной дорожке пешком
Дошагаю до лунной страны.
И, минуя серебряный двор,
Постучу в перламутровый дом.
Шевельнётся свеча за окном,
Скрип ключей — и в проёме дверном
Кот-привратник с дырявым зонтом
Мне шепнёт горячо и сурово:
«Не сейчас. Приходите потом.
Королева-луна нездорова.
Тучки — траурные флажки
Лунный домик собой закрывают.
Ни аптечные порошки,
Ни целебные корешки,
К сожалению, не помогают:
Не берёт никакая эссенция
Неизвестную инфлюэнцу...»
«Вы сплетите ей шарфик из радуги,
И носки из азалий — на ноги,
Чай с малиной на солнце сварите,
В час рассветный на юг отошлите.
К ночи встанет луна на ножки
И привычно качнётся в окошке...»

.....

ТЕПЛО

День да ночь — сутки прочь. А во тьме
Серебрится ночное светило,
Нужно будет сказать малышне:
Это я луну исцелила.

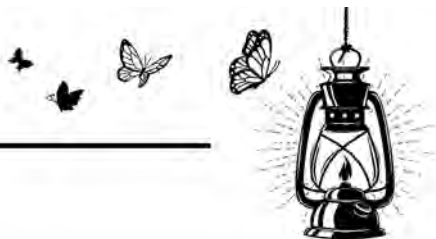
Белое

Вьюга обжигает ночь
Белой нежностью.
Снова ночь — и сутки прочь,
К неизбежности.

Зацелуй, заморози —
Кругом голова.
Кто не жил, тот не грешил.
Значит, я жива...

Я — другая, ты — иной,
Нежный и земной.
«До свидания, родной»,—
Тонкою рукой

Трону тёплые уста.
Не брани меня:
Нелегко смотреть в глаза
В белом свете дня.

Луна

Луна — медуза жгучая в ночи,
Воздушный шарик, что на привязи у неба,
Колелебющийся язычок свечи,
Сакральньных тёмньных саг сверкающая небыль,
Любовница поэтов и бродяг —
Чуть сумасшедших, безрассудньных, одиноких;
В чертогах Никты* запалив маяк,
Она диктует им божественные строки.
Пройдут века, померкнут имена,
Исчезнут станы, страны, кланы, я исчезну.
И только первобытная луна,
Всё так же хладнокровна и бледна,
Застынет неизменной глыбою над бездной...

* Никта — богиня ночи.

В Мадриде

Можно, я потеряюсь в горячем от солнца Мадриде,
В узких улочках, маленьких скверах и шумных
кварталах?

И неожиданно, невольно чудесная проза реала
Мне подарит нечаянность счастья случайных
событий.

Где-то здесь мне, возможно, удастся сдружиться
с драконом,
Чтоб оставить в покое все мельницы
старой Ла-Манчи.

И в уютной таверне за рюмочкою самогона
Нам споет неуклюжий, но добрый хитрец
Панса Санчо.

А потом к нам подсядет Хосе с деревянною кружкой.
«Эй, плесни-ка, браток»,— обратится к дракону
негромко.

Не грусти. Для тебя у меня есть в России такая
подружка,
Что Кармен твоя злая пусть нервно покурит
в сторонке.

Познакомить? Смотри, это фотки её в инстаграме...
Да, у девушек русских во взгляде есть некая тайна...
Всё, амигос, пока! У меня по программе
Столько радостных встреч и событий невольно
случайных.

Море

Мне снилось море. Волнами играя,
Оно меня носило на руках.
И нежность — осязаемая такая —
Струилась сквозь пространство и века.

Мне снилось море. Бледною щекою
Ко мне кошачьи ластился прибор.
Наполненный пронзительной тоскою,
Застыл над нами космос голубой.

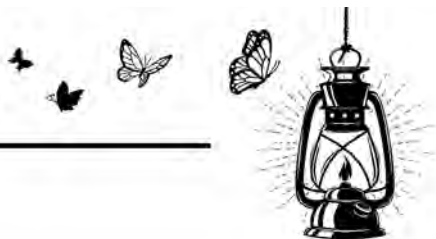
И старческими добрыми глазами
На мир смотрели звёзды сверху вниз.
На лодку под тугими парусами,
На волны, берег, тонкий кипарис...

И всё на свете, предвкушая чудо,
Остановило свой привычный бег.
Мы плыли в никуда из ниоткуда.
Прошло мгновенье. Или целый век.

Мне снилось море...

ТЕПЛО

Одиночество

Здравствуйте, ваше высочество,
Смешное моё одиночество!
Здравствуй, спасенье незваное,
Бежевое и странное!

Светлое ненаказание,
Тихая радость изгнания.
Как вас по имени-отчеству,
Смешное моё одиночество?

В нём ни жеманства, ни жалости,
Только оттенок усталости,
Бархатом звёзд позолоченной,
К ночи тоски приуроченной...

Утро. Стекло. Тусклое.
Только я знаю, я чувствую:
В сердце, ветрами расколотом,
Кружится звёздное золото.

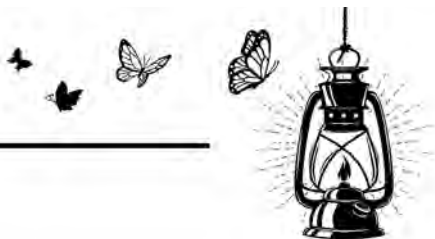

*** * ***

Я в инете загнулила: «Как мне жить?»
Нейросеть же ответила: «Закажи
В интернет-магазине сто свежих роз».
Неожиданный отклик на мой запрос.

И, познав до предела и леть, и мечь,
Я спросила у друга: «А дружба есть?»
Тот в ответ промолчал, отводя глаза,
Комом в горле засадили словеса.

Я вещала судьбе: «Что поделать мне,
Уподобленной рваной струне луне?»
Тихо тронув плечо, проронила жизнь,
Усмехнувшись чуть горько: «А ты держись...»
И нашёптывал разум: «А ты молись...»
И промолвило сердце: «А ты влюбись...»

Содержание

Тепло, ещё теплее	3
Тепло.....	4
Родителям.....	5
Я	6
Детство	7
Доченька.....	8
В Крещенский Сочельник.....	9
Рождество Христово.....	10
Сын и Мать... ..	12
Детский дневник.....	14
Глобальное потепление	15
Она мечтала стать великой балериной...».....	16
Рассвет	17
«...А изнанка войны неприглядна, невзрачна...».....	18
Теория относительности	19
«Я не из монахинь...»	20
Лёгкая форма отчаяния	21
Кукла	22
Ночная прогулка.....	24
Тишь.....	25
Ненависть	26
Моя вчерашняя влюблённость... ..	27
Когда не забыть.....	28
Холод.....	29
Мой герой	30
Незаконченная пьеса	31
Плач	32
О любви	34
Особое молчание.....	35
«Фонари, фонари... Золотое спасенье...».....	36
Песня	37

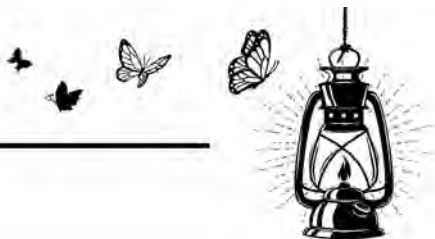

ИРИНА УЗЛЯКОВА

«Былое так ярко, былое так кротко...».....	38
Поздняя любовь.....	39
Его зелёные глаза.....	40
Кай.....	41
Ты и он.....	42
Вечернее.....	43
Выходные в Дивееве.....	44
Тишина.....	46
Алое.....	47
Самообман.....	48
Сердцу не прикажешь.....	49
Без тебя... ..	50
Тебе.....	51
Августовость.....	52
Сезон.....	53
Август.....	54
Осенняя миниатюра.....	55
Осень.....	56
Прощальная листопадная песня.....	57
Здравствуй, лес!.....	58
«В лесу блистают золотом высоты...».....	59
Сентябрьское.....	60
Как-то так.....	61
Ранимость.....	62
Лист.....	63
Дачное лирическое.....	64
Ночь на Ивана Купалу.....	65
Дачное ироническое.....	66
В кинотеатре.....	68
Октябрь — это... ..	69
Корабли.....	70
Розы.....	71
Снова.....	72
Осенний романс.....	73

ТЕПЛО

«Снег в ноябре... Как тихо в мире стало...».....	74
Декабрь	75
Одна просьба.....	76
Нелюбимая зима.....	77
Вдохновение	78
Февральская оттепель	80
Чудо	81
Старый сад.....	82
Каланхоэ.....	83
Космическая весна.....	84
Давай.....	85
Апрельский снег	86
Снегодождь	87
Страсть.....	88
Весеннее.....	89
Психи.....	90
Светлячки.....	91
Лекарство для луны	92
Белое	94
Луна	95
В Мадриде.....	96
Море	98
Одиночество	99
«Я в инете загнула: «Как мне жить?»..».....	100

Литературно-художественное издание

Ирина Владиславовна Узлякова

ТЕПЛО

Стихи

Редактор — *О.А. Портнягин*

Вёрстка — *А.В. Громов*

Корректор — *А.А. Сыромятников*

Издание подготовлено
Самарской областной писательской организацией
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01; www.litsamara.com

Подписано в печать ?????. Формат издания 84x108/₃₂.
Объём ???? печ.л. Гарнитура Муриад Pro. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии АМИРИТ,
г. Саратов, ул. Чернышевского, 88У, тел.: +7-8452-24-85-33.